

манткой: с.-хорв. *trčuljak* в загадке 'кисточка' (Skok III, 495) и словац. *trčník, trčula* бот. 'небольшое зеленое растение из семейства ятрышниковых' (SSJ IV, 565).

В рассматриваемом нами ареале, исторически связанном с чешско-словацкой языковой областью, наблюдаются общие явления в сфере семантики. Именно в этой области слав. **piskělv*, **piščalь* с первоначальным значением 'полюй стержень' функционирует и как анатомический термин, которым обозначают голень, малую берцовую кость: словен. *piščāl, piščel* ж. р. 'голень' и 'трубка', *piščala, pišev, pišča, piškālica, pišalo* 'tibia' и чеш. *piš'al* 'труба' и 'голень'²⁷, диал. *piščeř, -le* 'кость голени'²⁸, а также в.-луж. *piščel* 'малая берцовая кость' (Трофимович, 169). Признак полой структуры мотивирует и становление значения 'стержень пера' в чеш. *pisk*, словац. *viski* 'перья'²⁹. На этой же территории на правах анатомического гермина выступает и сложение *na-rčtč* (перв. 'острие') 'подъем ноги'; словен. *nārt*, др.-чеш. *nārt* (Gebauer II, 495), а также в.-луж. *narč* (Bezljaj II, 245) при рус. диал. *nārta* 'вид саней', польск. *party* 'лыжи'.

Дальнейшая инвентаризация праславянских лексических диалектизмов и изучение межславянских лексических связей помогут создать надежную материальную базу для исследования проблемы этногенеза славян.

Примечания

- ¹ Трубачев О. Н. Лингвистическая география и этимологические исследования. — ВЯ 1959, N 1, 16—33.
- ² Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974—1985. Вып. 1—12.
- ³ Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря. (Проблемы и задачи). — В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М., 1963, с. 159—196; *Он же*. О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков. — В кн.: Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963, с. 154—172.
- ⁴ Шустер-Шевц Г. Возникновение западнославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития. — ВЯ 1983, N 2, 33—50.
- ⁵ Popović I. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.
- ⁶ Там же, гл. VII, § 92.
- ⁷ См. еще: Boryś W. Problematyka prasłowiańskich dialektizmów leksykalnych. Izoleksy południowosłowiańskie i zachodnio-południowosłowiańskie. — В кн.: Etnogeneza i topogeneza słowian. Materiały z konferencji naukowej zorganizowanej przez Komisję Słowistyczną przy Oddziale PAN w Poznaniu w dniach 8—9. XII. 1978. Warszawa; Poznań, 1980, 75—87.
- ⁸ Bezljaj F. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen. — Linguistica VIII/1. Ljubljana, 1966—1968, 63—81.
- ⁹ Jedvaj J. Bednjanske govor. — Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1956, I, 301.
- ¹⁰ Herman J. Prilog poznavanju leksičkoga blaga u govoru Virju (Podravina). — Filologija, 7. Zagreb, 1963, 86.
- ¹¹ Koschat H. Die čakavische Mundart von Baumgarten im Bürgenland. Wien, 1978, 243.
- ¹² Ibid., 254.
- ¹³ Беллич А. По чакавским говорам. СПб., 1910, 54.
- ¹⁴ Hrvatski kajkavski pisci II: 17 stoljeće. Zagreb, 1977, 38, 128.

- ¹⁵ Herman J. Op. cit., 88; Fancev F. Beiträge zur serbokroatischen Dialektologie. Der kaj- Dialekt von Virje mit Berücksichtigung der Dialekte Podravina's. — AfslPh B. 29, H. 1—4, 385.
- ¹⁶ Топоров В. П. О происхождении нескольких русских слов (К связям с индо-иранскими источниками). — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, 38.
- ¹⁷ Matić T. Lexicalia iz starih hrvatskih pisaca. — Rad JAZU. Knj. 315. Zagreb, 1957, 68.
- ¹⁸ Bezljaj F. Slovenski jezik v luči leksikologije. — Radovi XXXV. Odjeljenje društvenih nauka. Knj. 12. Sarajevo, 1969, 96.
- ¹⁹ Трубачев О. Н. Славянские этимологии 29—39. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. М., 1962, 40.
- ²⁰ Herman J. Op. cit., 88.
- ²¹ Hrvatski kajkavski pisci II, 125: Habelić.
- ²² Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, 31.
- ²³ Matić T. Vitezovićev «Lexicon latino-illyricum» — Rad JAZU. Zagreb, 1955, 47.
- ²⁴ Stachowski St. Wyrazy serbsko-chorwackie w «Thesaurus polyglottus» H. Megisera (1603). Wrocław etc., 1969, 120.
- ²⁵ Bezljaj F. Etyma slovenica. Ljubljana, 1970, 163.
- ²⁶ Strekelj K. Slovanski doneski iz živega jezika narodovega. — LMS. Ljubljana, 1894, 49.
- ²⁷ Ibid., 32.
- ²⁸ Malina J. Slovník nářečí místřického. Praha, 1946 (=Archiv pro lexikografii a dialektologii, č. 10), 83.
- ²⁹ Palkovič K. Z vecného slovníka slovákov v Maďarsku. — Jazykovedné štúdie. II. Dialektológia. Bratislava, 1957, 317. Иной подход к объяснению чеш. *pisk* см.: Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VI. — В кн.: Этимология, 1976. М., 1978, 35—38.

Ю.-А. Лаучюте

РОЛЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Трудно переоценить роль фактов экстралингвистического характера при этимологизации слов, которые обычно относятся к слою древней и древнейшей лексики: терминов родства, сельскохозяйственной терминологии, отражающей первобытный примитивный уровень животноводства и земледелия, географической терминологии и т. п. Изучение последней группы лексики — географической терминологии — нередко вынуждает обратиться к данным археологии или к свидетельствам древних историков и географов относительно рельефа данной местности в прошлом или ее жителей в раннее историческое или доисторическое время. История многих языков и их носителей изобилует свидетельствами о том, что многие из них — не автохтоны на нынешних территориях их обитания, а пришельцы — ранние или более поздние. Языки этих сменявших друг друга племен и народностей иногда были родственны (ср. славян и балтов), а в других случаях эти родственные отношения отсутствовали (ср. славян и угро-финнов). Таким образом, уже a priori можно допустить, что часть лексики, обозначающая особенности местного рельефа, древней

флоры и фауны может быть унаследована пришлыми племенами от их предшественников, и таким образом эта лексика отражает языковые контакты древней и древнейшей поры.

В свете высказанных соображений особенный интерес представляет происхождение слова *sikla* (с вариантами *sigla*, *sihla*, *sichla*, *siklyxa*, *syhtyna* и др.), распространенное в ряде языков от Прибалтики до Югославии и от Словакии до верховьев Оки и смежающее следующие значения: 1. 'болото, трясина (в лесу или среди луга)'; 2. 'луг (топкий, мокрый)'; 3. 'лес (молодой, густой, топкий, маленький, хвойный, горный)'; 4. 'молодое хвойное дерево'; 5. 'мелкий дождь, мгла'; 6. 'вид грибов'; 7. 'рыбка-уклейка'; 8. 'муравей'.

Разумеется, нельзя исключать возможности того, что эти значения (и формы) относятся не к одному слову и его производным, а к разным словам, что, очевидно, и будет уточнено в дальнейших исследованиях. В настоящее время известно несколько попыток этимологизации этих слов. Так, в частности, слово *sihla*, отмеченное в говорах польско-словацкого и польско-украинского пограничья, считается заимствованием из румынского *sihlă* 'густой молодой лес; молодь' ¹. А в этимологическом словаре молдавского языка слово *sicla* (*sicla*) считается заимствованием из старославянского слова 'сухие ветки, заросли кустов' ². Русское же слово *сигла* 'трясина' относится к числу балтизмов (Фасмер III, 648). Сомнительность этих этимологий заключается как в их противоречивости, так и в недостаточном внимании к фонетическим, семантическим и ареальным особенностям исследуемого слова.

Интересующий нас материал образует две яркие ареальные зоны: юго-западную зону — Карпатский ареал и северо-восточную зону. Рассмотрим их детальнее.

1. В Карпатский ареал входят польские, словацкие и украинские говоры взаимно-пограничной зоны, а также восточнороманские (румынские и молдавские) и сербохорватские говоры.

В бойковских и гудульских говорах украинского языка засвидетельствовано: *сiгiла* / *сyгiла* со значениями 'возвышенный луг; горный лес; густой (хвойный) лес; мокроватый луг; болото; сорт травы' ³; *sihlanka* 'вид грибов; рыбки' (Общекарпатский вопросник).

В польском языке: *syhla* 'мокрый луг' (Прикарпатье и пограничные говоры со Словакией и УССР), *sigla* 'топь на лесистой горе или лес на горе' (Польские Карпаты; Варшавский словарь) ⁴, *sikla* 'мокрый луг' (цешинские говоры) (Karłowicz), *sichla* 'земля' = *sihla* (диал.) (Там же); с расширенной основой: *sihlowaty* 'пловатый, мокрый' (диал.) (Там же), *syhtyna* 'kwaśnie siano' (Прикарпатье) и, может быть, сюда же относится слово *siklawy* 'водоспад (в горах)' (Татры) (Там же).

В словацких говорах: *sihel*, *sihel*, *sihla* 'молодое хвойное дерево' (Варшавский словарь, Общекарпатский вопросник), *sigl'anka* 'вид грибов'.

В сербохорватских говорах: *siglina* 'большой хвойный лес; молодое хвойное дерево; мокрый луг; болото в лесу; мелкий дождь, мгла' (Общекарпатский вопросник).

В восточнороманских языках: рум. *sihlă*, молд. *sicla* 'густой молодой лес; молодь; заросли кустов' ⁵.

2. Северо-восточный ареал содержит материал из русских и латышских говоров.

В русском языке засвидетельствовано: *сiгла* 'дрягва, трясина, зыбучее болото' (запад., Даль²), *сiкля* 'уклейка' (верховья Оки; Калининская обл.) ⁶; *сикляха* 'муравей' (псков., Даль²), *стикляха* то же (русские говоры в Латв., Лит. и Эст. ССР; Лаучюте. Слов. балт.).

В латышском языке отмечены следующие слова: *siklis* 'маленький лесок', *sikliņš* то же, *sikle* 'молодой лес', *siklis* 'небольшое болото среди луга, леса или выгона', *sikulis* 'существо маленького роста' и др. (Mūlenbachs — Endzelins III, 852 и др.). Возможно, что и в литовском языке существовало слово на основу **sikl-* и с предполагаемым значением 'что-то маленькое, мелкое', что восстанавливается на основе глагола *siklyti* 'рубить, изрубать на мелкие части' (LKŽ, XII).

Семантическим ядром, объединяющим приведенные формы и встречающимся в большинстве перечисленных говоров и языков, являются значения 'влажная местность (болото, луг, лес)' и 'лес (влажный, молодой, маленький и т. д.)'. Взаимосвязанность и взаимопереходность этих значений уже неоднократно отмечалась в этимологических исследованиях. Происхождение же осложненных в словообразовательном и семантическом плане слов, таких как с.-хорв. *siglina* 'мелкий дождь', словац. *sigl'anka* 'вид грибов', рус. *сикляха* 'муравей' (и к тому же не относящихся к географической терминологии) — объект исторической лексикологии каждого отдельного языка, а к этимологии слова *sikla* они, скорее всего, имеют такое же отношение, как русское слово *маслята* 'вид грибов' — к этимологии слова *масло*.

Как уже упоминалось выше, существующие этимологии слова *sikla* / *sigla* на материале романских или славянских языков не дали положительных результатов. Скорее всего, правы те авторы, которые усматривают здесь заимствование (и в восточнороманских, и в славянских языках). Что касается рус. *сигла* 'трясина, болото', то следует согласиться с М. Фасмером, который относит это слово к числу балтизмов. Появление звонкого согласного -g- вместо глухого -k-, которое имеет место в латышских словах, как и смещение глухих и звонких согласных вообще, характерно для древнего слоя лексики и, в особенности, для древних заимствованных субстратного характера. Ср., например, блр. *gipca* / *kipca* 'сорняк во ржи', укр. *kіpза* то же, польск. *kirsa* / *girsza* то же (< балт., ср. лит. *girsza*, рус. *скирда* (< лит. *stirta*), польск. *gabas* 'крючок' (< балт., ср. лит. *kabas* 'крюк, вешалка'), блр. *kéлы* 'удила' и *гельзаць* 'взнуздывать' (< балт., ср. др.-прус. *gelso* 'железо') и мн. др. (Лаучюте. Слов. балт., соответствующие словарные статьи).

Что касается происхождения слов *sikle*, *siklis* в балтийских языках, то на материале латышского языка можно полностью восстановить этимологическую, словообразовательную и семантическую структуру древнего балтийского (и индоевропейского) слова. Кроме

перечисленных выше, в латышском языке засвидетельствованы такие слова, как глагол *sikt / sikt* 'мельчать; становиться тонким, слабым', прилагательное *siks* 'маленький, мелкий', которые легли в основу исследуемых образований с суф. *-l-* и со значением 'маленький, мелкий (лес, болото, живое существо)'. Эти латышские слова (как и литовское *siklyti*), в свою очередь, входят в большую семью балтийских и, шире, индоевропейских слов, имеющих уже другую огласовку корня и объединяющих значение 'маленький; слабый' со значением 'влажный, мокрый, низменный', ср.: лтш. *sėkls* 'мелкий, мелководный, неглубокий; низменный', лит. *seklūs* то же, к *senkū, sėkti* 'иссыхать, истощаться; падать', рус. *сыкнуть, иссыхать* (и другие родственные слова в славянских языках), прл. *sesc* 'высохший; не дающий молока', греч. (гомер.) *ἔσχετο* 'иссыхать; затаиваться' и т. д. Кроме того, в германских языках существует группа слов с огласовкой корня на *-i-* и значениями, близкими к исследуемым словам балтийских языков: ср.-в.-нем. *sichte* 'мелкий', англосакс. *sīhte* 'болотистый' (Фасмер III, 826).

Определив, таким образом, индоевропейскую этимологию исследуемых слов, мы обнаруживаем, что только в латышском языке развитие корня **sēk- / se(n)k-* привело к закономерному образованию слов на основу *sikl-*, что подтверждает справедливость предположения о заимствованном характере соответствующих слов в славянских и восточнороманских языках. Возникают вопросы: из какого языка были заимствованы эти слова? И — можно ли предполагать действие балтского субстрата для карпатского ареала (как это можно предположить для западных и части средних говоров русского языка)? Ответ на них приходится искать среди данных экстралингвистического характера.

В ряде новых работ по древней индоевропейской этнонимии и топонимии уже отмечались следы балтов в северном Прикарпатье (восточное польско-словацкое пограничье, см. работы В. Н. Топорова⁷ и др.). На этой территории проживало племя *Golensizi*, отмеченное Географом Баварским в IX в., а позднее там существовало племя *Holasicī*. В качестве предков этих племен, след от которых сохранился в имени, предполагаются балтские Галинды. В этом же ареале зафиксировано распространение многочисленных фамилий и топонимов, содержащих основы *Galind-*, *Sūd/in/-*, *Prūs-*, что тоже считается доказательством пребывания в прошлом в этих местах какого-то (скорее всего — западного) племени балтов. Но даже если допустить, что в польских, словацких и украинских говорах слова *sikla / sigla / sihla* появились в результате воздействия древнего балтского субстрата, то вряд ли можно этой же причиной объяснить появление соответствующих слов в восточнороманских и сербохорватских говорах. Пока что нам неизвестны ни лингвистические, ни экстралингвистические факты, которые позволили бы говорить о балтском субстрате на этой территории. Но однако известно, что в зоне Карпат (от Южной Польши до Югославии) в древние времена проживали иллирийские и, частично, фракийские племена, в языке которых обнаружено немало черт, свидетельствующих об их особой близости

к балтийским языкам. Поэтому можно предположить, что *sikla* 'болото; мокрая, влажная местность; лес' является балто-иллирийской или балто-фракийской лексической изоглоссой, которая сохранилась в виде субстратных слов в части восточнороманских и славянских говоров, находящихся на бывшей территории балто-иллирийских (или балто-фракийских) пограничных контактов и которая продолжает активно существовать в современных балтийских языках.

Примечания

- 1 Wolnicz-Pawłowska E., Rudolf-Ziółkowska E. Z terminologii geograficznej w gwarach bojkowskich. — Z filologii polskiej i słowiańskiej. 1983, 21, 273.
- 2 Скурт дикционар этимоложик ал лимбий молдованентъ / Под ред. М. Раевского и М. Габинского. Кишинэу, 1978, 381.
- 3 Wolnicz-Pawłowska E., Rudolf-Ziółkowska E. Op. cit.
- 4 Там же.
- 5 Скурт дикционар . . . , 381.
- 6 Усачева В. В. Материал для словаря славянских названий рыб. III. — В кн.: Этимология. 1974. М., 1976, 81—116.
- 7 См., в частности: Топоров В. Н. Балтийский элемент к северу от Карпат: этнонимическая основа **Galind* как знак балтийской периферии. — SO 1980, 29, 1/2, 247—252.

Т. Б. Лукинова

ЛЕКСИКА СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА

Дальнейшее успешное развитие славянской сравнительно-исторической лексикологии все настоятельнее требует широкого привлечения экстралингвистических фактов. При этом чем древнее изучаемые пласты лексики, тем более возрастает значение данного требования. Особенно важны свидетельства смежных гуманитарных наук, и в первую очередь этнографии, для тех лексических групп, у которых можно предполагать связь с широким комплексом древних верований и представлений об окружающем мире, обусловленными ими обрядами, ритуалами, все вместе относимые к тому, что обозначается термином славянское язычество.

Представляется вполне приемлемым предложенное акад. Б. А. Рыбаковым расширенное понимание славянского язычества как «части огромного общечеловеческого комплекса первобытных воззрений, верований, обрядов, идущих из глубин тысячелетий»¹. Унаследовав многие элементы духовной культуры предков-индоевропейцев, впитав не менее, если не более многочисленные черты иноплеменных культур, язычество определяло духовный облик славян не только до принятия ими христианства, но и долгое время после этого события. В жизни восточных славян языческая стихия заявляла о себе так мощно, что приходилось говорить об их двоеверии в течение многих столетий. Более или менее явные следы прежних языческих воззрений и языческой обрядности обнаруживаются в разной форме